

СИЛЪЕ
УЛЬСТАЙН

ШЕПОТ
ПИТОНА

Москва
2022

УДК 821.113.5-312.4
ББК 84(4Нор)-44
У51

Silje O. Ulstein

KRYPDYRMEMOARER

© Silje O. Ulstein. First published by H. Aschehoug & Co.
(W. Nygaard) AS, 2020. Published in agreement
with Oslo Literary Agency

Ульстайн, Силье.

У51 Шепот питона / Силье Ульстайн ; [перевод с норвежского А. В. Наумовой, А. К. Юченковой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-04-166120-5

Это мой рассказ. Моя история. Она закручена и переплетена, как кольца гигантской змеи... Я – питон по имени Неро. Когда-то меня взяла к себе Теплая женщина по имени Лив. Она полюбила меня. Она кормила меня живыми существами. Живя у нее, я начал понимать язык людей и привык к теплой крови. И все это время я ждал настоящей добычи. И мечтал лишь об одном – проглотить Теплую женщину, вобрать ее в себя...

Маленький норвежский городок Кристиансунн. Мариам Линд отправляется за покупками со своей одиннадцатилетней дочерью. После внезапной ссоры она уходит, думая, что девочка сама доберется до дома... но та бесследно исчезает. И теперь Мариам не может внятно объяснить полиции, зачем в тот день она, вместо того чтобы просто вернуться домой, поехала на машине за много километров от места, где пропала ее дочь...

Это рассказ о том, как люди могут быть змеями. И главное – как они могут ими стать...

УДК 821.113.5-312.4
ББК 84(4Нор)-44

© © Наумова А.В., Юченкова А.К.,
перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-166120-5

Я — это Другой.
Артюр Рембо

Часть I

Лив

Олесунн¹

Среда, 16 июля 2003 года

В первый раз тело его поразило меня. Словно оживший серый гранит и в то же время — мягкая наждачная бумага. Шершавое и гладкое. Тяжелое и легкое. Сперва я поразилась, насколько он теплый, а ведь полагаю, что окажется насквозь ледяным. Или мне до этой самой минуты не хотелось верить, что он живой. Лишь намного позже я уяснила: он отдает не собственное тепло, а чужое — то, что впитал сам.

Он свернулся у меня на руках — метр длиной, и все равно пока кроха. Приподняв голову, уперся мне в руку и обратил на меня взгляд. Возможно, пытался понять, что я за существо. Добыча я или враг. Раздвоенный язычок чуть подрагивал, тело медленно двинулось вверх по груди, к горлу. Там он замер, завис в воздухе, уставившись в меня каменно-мертвыми глазами. Я заглянула ему прямо в узенький зрачок — немигающий, неизменный. Взаимопонимание между нами невозможно, и тем не менее он как будто старался установить со мной связь.

В нем присутствовало нечто невесомое. Способность удерживать в воздухе такую крупную часть тела — при всей видимой легкости. Казалось, пожелай он — и, отвергнув все земное, переместится в невесомость. Даже

¹ Олесунн — город на западном побережье Норвегии.

мысль о том, что живое существо настолько владеет собственным телом, не укладывалась у меня в голове. Она будто толкала меня в пропасть. Я вытянула руку, и он свесился с нее, как с ветки, всматриваясь мне в лицо.

— Ты ему понравилась, — сказала женщина, по-американски выговаривая «р» и «л». Она проводила меня обратно на прохладный чердак, где в клетках вдоль стен сидела всяческая живность. В голосе моей собеседницы звучала искренняя радость. — Он, похоже, тебе тоже нравится?

Нравится? Нет, это слово недостаточно емкое. Нравится — это про клевую куртку. А тут дело совсем другое.

— Можно подержать?

— А мне когда подержать можно будет?

Из-за моей спины высунулись Ингвар и Эгиль. Я про них едва не забыла. Ингвар, бородатый брюнет с длинными, как у меня, волосами, был на пару лет старше блондинистого Эгиля в белой рубашке, однако выглядели эти двое как подростки-близнецы. Они вполне могли бы сказать «нравится». Им змея нравилась, как нравится определенная музыка, или сорт пива, или что там еще. А вот сама-то я что испытывала? Материнское тепло, влюбленность? Внутреннюю связь, несмотря на принадлежность к разным биологическим видам? Посмотрев в маленькие глаза, такие непохожие на мои собственные, я решила, будто вижу в них доверие — или понимание.

* * *

Эта идея родилась у нас относительно недавно. Тогда, в пять утра, в самой крутой цокольной квартире Олесунна, где круглосуточно плавился в лавовой лампе

красный парафин, висела густая пелена сигаретного дыма. В гостиной, где всего пару часов ранее было не протолкнуться, нас осталось всего несколько человек. Мы тоже почти выдохлись, но не совсем. Буйная радость давно стихла, в комнате сладковато пахло табаком; Ингвар, развалившись в кресле, наигрывал на гитаре всякие старые рок-хиты. Даже Эгиль, весь вечер ставивший на полную громкость «50 Сент» и «АутКаст», спустил подвернутые рукава рубахи и уселся на пол, обняв какую-то девушку — похоже, свою однокурсницу с факультета бизнес-аналитики.

Сама я выкурила хороший косяк, который мне забил Ингвар, меня пробрало, и я ушла в себя. Лежала на диване и разглядывала потолок — тот, казалось, поднимается и опускается, словно умеет дышать. Я собиралась лежать вот так, пока не усну, слившись в едином ритме с потолком, когда откуда ни возьмись рядом возник какой-то чувак. Он куда-то выходил, но потом вернулся — это был знакомый Ингвара или Эгиля; кто именно, мне было плевать. Впоследствии лицо его тоже забылось; я запомнила лишь, как он сидел на полу возле моего дивана и все пытался разговорить меня, однако в тот момент меня занимал только потолок. Сделав несколько не увенчавшихся успехом попыток, парень встал и пересел еще к кому-то.

Я уснула — или наконец мы с потолком объединились, — но потом очнулась. Из сна меня вырвал крик Ингвара. Девушка, с которой Эгиль до этого сидел в обнимку, теперь лежала у него за спиной, прикрыв рукой глаза. Сам Эгиль не сводил взгляда с телевизора. На экране показывали джунгли: какой-то мужчина, стоя по пояс в грязи, вытаскивал что-то из воды. Это оказалась змея с блестящей коричнево-черной кожей. Тол-

щиной змея была с аллигатора, но намного длиннее. Мужчина все тянул ее, а змея никак не заканчивалась. Нет, все-таки кожа у нее была коричневая, черная и желтая. «Великий питон! — выкрикнул мужчина, а змеиное тело становилось все толще и плотнее. — Огромная змея! Вот, это у него голова!» Тут питон разинул пасть и разъяренно кинулся на мужчину. Тот отшатнулся и со сдавленным криком отступил. Змея последовала за ним.

Я сглотнула. Эгиль нервно хохотнул и выругался, но будто где-то далеко: сердце у меня колотилось так, что заглушало почти всё. Стены в гостиной дрожали от ударов моего сердца. Щеки горели, ладони вспотели. Прежде я еще никогда не ощущала так близко свое собственное тело. Никогда — так отчетливо. Мягкие движения змеи, спрятанная под гладкой кожей сила околдовывали меня. Я была не в силах отвести взгляд от экрана, где мужчина достал из-за кустов фотоаппарат и принялся фотографировать огромную змею. «Всего пару кадров». Австралийский акцент, быстрые движения. Мы со змеей почти одновременно вытянули шею и распахнули глубокую пасть с маленькими зубами, почти не отделимыми друг от дружки. Мягкую глотку и зависший в воздухе язык. А потом мы с ним бросились вперед. Гостиная наполнилась криками ужаса и восторга, а мы с питоном вонзили зубы в толстую волосатую руку.

— Я думал, что умру, — сказал австралиец, — думал, он добрался до меня. — Он сидел на раскладном стульчике, а за спиной у него виднелась палатка. — Это ему раз плюнуть. Хорошо, что он нижней челюстью зацепился мне за штаны — иначе кранты.

На экране снова появилось видео, где змея кусает мужчину, а потом еще раз, но в ускоренном темпе.

Мягкая розовая пасть опять и опять мелькала передо мной, сперва быстро, потом медленно, и я видела, как бледно-розовый язык уперся в ткань и как змея наконец обмякла. Я представила, каково это — дотронуться до ее языка. Закрыла рот. И сглотнула.

— Я знаю, где добыть такого, — заговорил вдруг этот незнакомый, непонятно откуда взявшийся чувак. — Ну, ясное дело, не такого здоровенного, как этот, но маленьких кое-где продают. Детенышей.

Сейчас, вспоминая все это, я стараюсь припомнить, как он выглядел, но перед глазами встает лишь голова — ни глаз, ни носа, ни рта. Однако я помню, что на несколько секунд в гостиной повисла тишина. Эгиль повернулся и широко улыбнулся мне. Я попыталась улыбнуться в ответ, но чересчур разволновалась и боялась, что он заметит, как сбивается у меня дыхание, как горят щеки и как я сглатываю. Я медленно кивнула. Эгиль обернулся к Ингвару — губы у того растянулись в похожей улыбке. Тот тоже кивнул. Вот так мы всё и решили. Заведем змею.

Присутствующие вновь пробудились к жизни, в комнате зазвучали голоса и смех. Этот незнакомый парень вытащил серебристый цифровой фотоаппарат и сфотографировал нас. Я, Ингвар, Эгиль, девушка и парень — все мы перед экраном, на котором застыло изображение шестиметрового питона.

* * *

Наш новый член семьи был тигровым питоном всего-то метр длиной. По-прежнему ребенок. Однако это существо совершенно меня околдовало. У меня было такое чувство, будто я зависла над пропастью, и от этого мне удивительно хорошо. Прежде чем пере-

дать его в чужие руки, я поднесла питона к лицу и прошептала:

— Я заберу тебя домой.

Наверное, мне почудилось, однако питон кивнул.

Мариам

Кристиансунн

Пятница, 18 августа 2017 года

— Мама, можно мне журнал?

Ибен держала в руках блестящий журнал с комиксами. Фигура на обложке представляла собой соблазнительную девушку-зомби с блестящими, картинно надутыми губами. Обычно по магазинам с Ибен я отправляю Тура. Самой мне нравится делать покупки в одиночку. Однако сегодня мы с Ибен проводим день вдвоем — это была моя идея. В понедельник ей в школу, и мне захотелось самой купить нашей семикласснице новую одежду и всякую всячину для школы. Захотелось остаться с ней наедине, чтобы мы опять сблизились. В последнее время отношения у нас не ахти — чем она взрослее, тем дальше от меня.

Мы уже почти три часа бродили по торговому центру «Стуркайя». Ибен выбрала себе наряд: обтягивающие брюки и кружевную блузку с пуговицей на шее, розовые туфли и того же цвета худи, которые она тут же и надела. Мы вертелись перед зеркалами, фотографировались и шутили — даже нашли желтый свитер ее размера, похожий на мой кашемировый свитер, и отправили снимок Туру. Она так похожа на меня в ее возрасте! Порой мне даже не по себе оттого, что мы с ней так похожи, но сегодня я обрадовалась. После магазинов мы уселись в кафе и взяли по мороженому. Я задавала

ей неопасные вопросы, а она отвечала. Мы поболтали о лошадях. Одна подружка Ибен занимается верховой ездой, и Ибен тоже хочется. Я пообещала поговорить с Туром, вот только Ибен тотчас же заулыбалась так, будто я ей уже разрешила.

Ибен — красотка: светлые кудри падают на глаза, носик узкий и губы тоже. Уродливая героиня комикса — ее полная противоположность. Ибен скорчила умильную рожицу, явно пытаясь очаровать меня. На Тура это действует — тот вообще очень часто повинуется зову сердца, — однако по отношению ко мне такая тактика обречена. Я чувствую себя обманутой. Одинадцать лет я заботилась о ней, следила, чтобы она не поранилась, не упала с дивана, не подавилась, не проглотила кубик «Лего». Утешала ее, когда она плакала, когда болела. Но Ибен на все это плевать. Ей главное, чтобы подарки дарили и всё разрешали.

Я взяла журнал у нее из рук. На несколько секунд Ибен задержала на мне взгляд; и в ее темных глазах по-прежнему горело: «Дай, дай, дай». Я пролистала пару страниц. Девушки-зомби с огромными накрашенными глазами занимаются своими повседневными делами, ходят в школу, красятся. Тот, кто нарисовал эти картинки, знает, как извлечь выгоду из любви девчонок ко всему блестящему.

— И чему это тебя научит?

Ибен опустила взгляд. Ковырнула пол новой туфелькой.

— Ибен. Чему это тебя научит?

— Не знаю, — прошептала она.

— Мне кажется, тут вообще ничего путного нет. Оно тебе вообще зачем?

По-прежнему глядя в пол, она дернула вместо ответа плечом.

— У них шея толще бедер, — продолжала я.

Я сунула журнал ей в руки, встала у нее за спиной и открыла первую страницу.

— Смотри. Никакой истории. Текста почти нет, только картинки. Весь журнал — уродливые картинки накрашенных девушек. Тебе это зачем, Ибен?

Она покачала головой. Попробовала вырваться, но я ее удержала. И перелистнула страницу.

— Смотри, — я опять перевернула страницу, — видишь? Десять страниц, и все еще никакого рассказа. Журнал ни о чем.

Я и сама слышала, что говорю чересчур строго, но нельзя же позволять дочери опускаться до такой безвкусицы. В следующий раз она и сама задумается. Ибен снова попробовала вывернуться, однако я сдавила ее локтями. Не сводя глаз с новых туфель, она разжала пальцы, так что теперь журнал держала только я, и ее руку — тоже. Ибен ойкнула и дернула рукой. Я перегнула палку.

— Прости, я не хотела. Просто мне не хочется, чтобы ты читала всякую дрянь, от которой только тупеешь. Найди что-нибудь получше — и я тебе это куплю.

Ибен выхватила у меня из рук журнал и, вжав голову в плечи, бросилась к полке. И тут у меня зазвонил телефон. Я порылась в сумке и вытащила сперва мобильник Ибен — у нее карманы неглубокие, поэтому она отдала телефон мне. Порывшись еще, отыскала и свой собственный. Звонил один из бухгалтеров. Наверное, хочет назначить встречу, чтобы нанять еще секретарей. В июне «Наше здоровье» выиграло тендер, и в журнале «Время зовет» напечатали нашу фотографию, где мы с марципановым тортом и бутылкой шампанского. Мы планировали все лето — и теперь готовы были приступить к работе. Однако сегодня моя

дочь важнее работы, я обещала. Поэтому на звонок отвечать не стала.

Возле полки с журналами Ибен не оказалось. Я взяла другой журнал с комиксами, на вид попримечнее, и сборник кроссвордов. Еще раз посмотрела напоследок на девушек-зомби. Поговорю с ней сегодня вечером.

Возле кассы Ибен не было. И около полок с конфетами. И перед магазином. Я переложила покупки на ленту, потянулась за телефоном, чтобы позвонить ей, но вспомнила, что ее мобильник у меня. Таким маленьким девочкам сумочки не полагаются, но, видно, придется ей все же купить. Расплатившись, я спросила было кассира, не видел ли он одиннадцатилетнюю девочку, однако с таким же успехом могла бы спросить и сам кассовый аппарат. Покупки я разложила по пакетам, а тележку выкатила на улицу, где остановилась между двумя магазинами и огляделась. Ибен нигде не было, и я зашагала к парковке, с силой толкая перед собой тележку и чувствуя, как терпение меня покидает. Я стиснула зубы и двинулась к машине.

Возле паркомата Ибен я не обнаружила, и рядом с машиной тоже. Я озиралась по сторонам, но увидела лишь несколько машин, и ни единой девочки. Пора мне забегать по парковке, позвать охранников и попросить их дать в громкоговоритель объявление. И испугаться, что кто-нибудь ее увел. Ей только этого и надо. Нет, ничего у нее не получится, я в такие игры не играю. Я принялась складывать продукты в багажник, с нарастающей злостью швыряя пакеты — похоже, несколько яиц разбилось, хорошо бы они вытекли прямо на журналы Ибен! Пустую тележку я оттолкнула так, что она со звоном ударилась о стену и перевернулась. Когда я уселась в машину, колесики у тележки по-прежнему крутились. Мое пальто